

Роман, обнажающий мощь и силу любви. ВАВЕЛИО

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Дом на берегу
океана, где мы были
счастливы*

[roman]

CoRpus

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
“СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ ЧИТАЮТ
КНИЖКИ И ПЬЮТ КОФЕ”

Аньес Мартен-Люган
Дом на берегу океана,
где мы были счастливы
Серия «Счастливые люди»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68539342

Дом на берегу океана, где мы были счастливы: роман / Аньес Мартен-Люган; пер. с франц. Н. Добробабенко: АСТ: CORPUS; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-150487-8

Аннотация

Она вычеркнула из памяти прошлое. Он отказывается забывать и ждет ее каждый день. Вместе они на два голоса рассказывают красивую и грустную историю боли, страха и невероятной любви – вдохновляющей и спасающей, разрушительной и разлучающей. Правда ли, что любовь сильнее всего? Как она становится настолько безумной, что в ней впору потеряться? Можно ли вернуть прошлое? Об этом размышляет в своем новом романе Аньес Мартен-Люган, автор бестселлера “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе” и других пронзительных историй любви, предлагая читателю прожить вместе с героями яркие эмоции и новые оттенки вечного чувства.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	17
Глава четвертая	19
Глава пятая	26
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Глава восьмая	37
Глава девятая	49
Глава десятая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Аньес Мартен-Люган Дом на берегу океана, где мы были счастливЫ

Вам троим. Вы – мое дыхание.

Обезуметь от любви – вот истинная честность.

Альфред де Мюссе

“Не зарекайся”

Agnès Martin-Lugand

La Déraison

Перевод с французского

Натальи Добробабенко

Published by arrangement with Lester Literary Agency &
Associates

© Editions Michel Lafon, 2022

© Ondrea Barbe, cover photo

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS ®

Глава первая

Где-то, неизвестно где

Ветер завывал и бесновался. Продолжался прилив. В унисон с моими ожиданиями накатывали мощные волны и с неумолчным грохотом обрушивались на прибрежные скалы. Били по скалистому берегу так сильно, что, встретившись с ним, рывком отступали обратно в океан, яростно сталкиваясь со следующим табуном и образуя снопы кипящей пены. Захватывающее зрелище. Умиротворяющее. Разгул стихий неудержимо притягивал меня. Я мог прыгнуть в их гущу и навсегда исчезнуть. Наконец-то исчезнуть. Меня никогда не найдут, а если и найдут, то через несколько недель. На какой пляж выбросит мое тело? Не все ли равно. Неужели настал момент? Тот самый момент, которого я так долго ждал. Больше ничто меня не останавливало.

Ливень хлестал меня, а я хохотал. Это был горький смех. Все, я пришел. Шаг. Второй. Третий.

Я стоял на краю, готовясь упасть. Гибельная бездна звала меня. Закрыв глаза, я заставлял звучать музыку. Проигрывал в уме аккорды, которые уйдут вместе со мной. Мозг прокручивал мое последнее сочинение.

Вдруг передо мной возникло лицо Натана. Оступаясь, я отшатнулся от края, дыхание сбилось. Настолько, что я сло-

жился пополам и оперся ладонями о колени. Как если бы долго бежал. Я испепелил взглядом бурю, начавшуюся слишком рано. Возмутился и наорал на нее. Она насмеялась надо мной. Ради него, Натана, я пока еще обязан устоять.

Натан – единственный человек на планете Земля, которого я должен защитить.

Спотыкаясь, я вернулся в дом.

В свой дом – подобие берлоги. Подобие западни. Но с бутылкой и таблетками я был вправе рассчитывать на не слишком скверную ночь.

Глава вторая

Где-то в другом месте

Пятничный вечер обещал быть хорошим – таким, как я люблю. Сплошной экспромт. Днем пришло сообщение от Сюзанны, моей старшей сестры: “Есть планы на сегодняшний вечер?” Я ответила: “Угадай!” Она: “Удачный или неудачный день?” Я: “Неплохой”. Она: “У тебя? С Анитой?” Опять я: “Буду рада”. Анита, средняя сестра, прорезалась через несколько минут: “Ты Васко позвала? Пусть займется ужином! Иначе не приду”. Я постучала в дверь соседнего кабинета, где сидел наш предполагаемый шеф-повар.

– Придешь вечером ко мне? Будут сестры... Решай сам, ты не обязан!

Васко послал мне одну из своих широких ласковых улыбок, всегда ободряющих, независимо от обстоятельств.

– Что у тебя есть в холодильнике?

Мое лицо приняло сокрушенное выражение, я пожала плечами: исчерпывающий ответ.

Он резко откатился в кресле и небрежно закинул руки за голову. Бросил на меня взгляд, в котором не было места иллюзиям, и помолчал, выбирая подходящую реакцию. Отчитать меня, словно школьный учитель нерадивого ученика? Или махнуть рукой и похихикать над моим легкомыслием? Я едва справлялась с рвущимся наружу смехом.

– Мадлен! – прорычал он. – Я уже предупреждал тебя: если ты и дальше не будешь питаться хотя бы относительно нормально, мне придется в конце концов поселиться у тебя!

Я сдалась и громко расхохоталась, тогда как Васко расстроенно смотрел на меня, чего я предпочла бы не замечать. Из-за меня он переживал, и это было невыносимо. Я и раньше мучилась, если приходилось огорчать тех, кого люблю, а теперь это стало совсем нестерпимо. Но тут я ничего поделать не могла.

– То есть мы можем рассчитывать на тебя? – я надеялась, что вопрос прозвучал лукаво.

Вместо ответа он закатил глаза. Я выиграла.

Два часа спустя я с удовольствием наблюдала за Васко, безраздельно царившим на моей кухне. Он насвистывал, роясь в шкафах в поисках того, что сможет добавить к своим покупкам. Мне всегда нравилось следить за Васко, колдующим у плиты. Он был и оставался жизнелюбом, причем не просто гурманом и тем, кто всегда готов ловко откупорить последнюю бутылку, а также все последующие. Он был истинным гедонистом, потому что обожал угощать гостей, с восторгом набрасывающихся на приготовленные им блюда, зачастую обильно сдобренные специями, но всегда невероятно вкусные. Васко получал огромное удовольствие, когда делился: я редко встречала настолько щедрых людей. На самом деле, из всех, кого я знала, таким был только он.

Я сидела за столом и любовалась им. Он пробовал свою стряпню, добавлял приправы, все перемешивал и при этом двигался в такт африканской музыке, которую лишь с натяжкой можно было считать танцевальной.

– Налъешь и мне бокальчик? – попросила я, заметив, что он отхлебнул из своего.

Он покосился на меня через плечо.

– Ты уверена?

– Не беспокойся, всего глоток – я намерена провести вечер не в постели и не согнувшись над унитазом.

Спустя несколько минут он сдался, сел рядом со мной, протянул мне бокал и без единого слова прикоснулся к нему своим. Тост был за мной, что случалось все чаще:

– За жизнь, Васко!

– Прекрати!

– Ни за что! Я даже повторю это еще громче, в полный голос! За жизнь! За нашу дочь!

Он отвел глаза и долгим поцелуем прильнул к моим волосам. Я улыбнулась, купаясь в его нежности. Никогда бы не поверила, что такое возможно, но мой бывший муж и отец моей дочери был и всегда останется моим лучшим другом. Мы много лет не жили вместе, но при этом оставались неразлучными. И причина была не только в том, что мы управляли нашим общим туристическим агентством.

– Где она, кстати? – спросил он охрипшим голосом, вставая из-за стола. – Должна бы быть здесь.

Могло показаться, будто он исполняет роль строгого отца, но в действительности все было наоборот. В его интонации звучала нежность и бесконечная любовь, которую он питал к нашей дочке. Просто он пытался сбросить напряжение. Дочь была единственным человеком, на которого он не мог повысить голос. И для нас обоих это не было тайной.

– У нее наметилась вечеринка, и я уговорила ее пойти.

– Правильно сделала, Лизе необходимо передохнуть и развлечься.

– Я ей постоянно это твержу.

– Не сомневаюсь...

– Васко, посмотри на меня.

Он допил бокал, снова подлил себе вина и только потом подчинился.

– Все в порядке, да? – спросила я. – Мы хорошо, нет, даже прекрасно проводим время. И я хочу, чтобы все так и шло. У меня нет желания портить все бессмысленным и бесполезным спором. Если ты не согласен, я звоню сестрам, говорю, чтоб не приходили, и выпроваживаю тебя!

Он помотал головой, прогоняя дурные мысли, и снова заулыбался.

– Ну ты даешь! От тебя ничего не скроешь!

Наш обмен репликами прервал громкий стук открывшейся входной двери. Встречей сестер и их мужей можно себя не утруждать. Им хорошо известна дорога, и они знают, где нас найти. Сюзанна и Анита явились с охапками цветов, расце-

ловали меня, тут же занялись поиском вазы и поставили цветы в воду. Близнецами они не были, но их сходство позволяло это заподозрить. Достаточно было одной сделать движение, чтобы вторая тут же последовала ее примеру. Они понимали друг друга с одного взгляда. Они всегда все делали вместе и одинаково, несмотря на разницу в возрасте в полтора года. Ознакомившись с меню ужина, сестры наградили Васко одобрительным подмигиванием, затем уселись по бокам от своей младшенькой и защебетали. Зятя тоже расцеловали меня, после чего присоединились к нашему шеф-повару, нарушая его строгий запрет приближаться к плите. Дружба мужчин зародилась еще в годы учебы и пережила наш развод, что меня не удивляло. *Я бы* расстроилась, сложись все по-другому. Ни за что бы не разорвала узы, окрепшие задолго до моего появления в жизни Васко.

В двадцать пять лет я не представляла, что делать со своим настоящим и будущим. Диплом я не получила и после мрачного периода, длившегося два нескончаемых года, работала в родительском ресторане, не имея никаких амбиций и не понимая, кто я такая. Я ничего не ждала. Разве только, чтобы прошло время.

Сестры знали обо мне все: мои радости, беды, ошибки, успехи, сомнения и секреты. Они были моими подругами, наперсницами, временами врагами и заодно моими перилами и фундаментом. Они тогда вбили себе в голову, что обя-

заны вытащить меня из повседневной серости, в которую я сама себя загнала, и я терпела их непрерывные атаки. “Встречайся с людьми, находи друзей”, – постоянно твердили они. Я не сомневалась, что не устою против их натиска, и, когда они почти исчерпали терпение, все же покорилась и согласилась прийти на ужин к Сюзанне, куда были приглашены все их друзья. Я надеялась, что после этого они дадут мне временную передышку, и постаралась выглядеть как можно лучше.

Для дикарки, какой я тогда была, это обернулось серьезным стрессом – вдруг очутиться среди всех этих людей, незнакомцев, которые были увлечены своей работой, а некоторые из них к тому же составляли пары. Слишком мы были разными. Мне просто не находилось места в этой компании. Васко явился последним. Поцеловал всех присутствующих, включая меня, сказал: “Очень рад с тобой познакомиться, Мадлен” – и перешел к следующему гостю. Пока мы пили аперитив, я сидела, забившись в угол дивана, не раскрывая рта и только наблюдая за собравшимися, особенно за ним. Время шло, и постепенно я перестала видеть что-либо, кроме его улыбки, и слышала только его дружелюбные слова, которые он находил для каждого. Наши взгляды довольно часто встречались, и я уже не чувствовала себя такой подавленной. Изумление от того, что мое сердце, оказывается, способно биться, едва не парализовало меня. За столом я сидела рядом с ним и спрашивала себя, что бы такое я могла

ему рассказать.

– Не буду ставить тебя в неловкое положение, интересуясь, чем ты занимаешься, это дурацкий вопрос, который только действуют на нервы, – он наклонился ко мне. – С другой стороны, хотелось бы понять, что ты тут делаешь, если совершенно очевидно, что ты бы с удовольствием оказалась где угодно, только не здесь!

Пораженная, я посмотрела на него.

– С чего ты взял?

Он нервно запустил руку в свою шевелюру.

– Мне стало любопытно. Ты не похожа на остальных...
Словно паришь над этим ужином, который, между нами, ничем не отличается ни от того, что был на прошлой неделе, ни от того, что будет на следующей.

Я засмеялась, найдя его слова остроумными, и подумала, что он обаятельный и к тому же, похоже, ничего не боится. Краем глаза я заметила, как сестры, удивленные моим смехом, обернулись ко мне. Я их хорошо понимала, я и сама удивилась. До последней минуты мне вообще было неизвестно, что такое смех.

– Они заставили меня прийти, – сообщила я ему, мотнув головой в сторону сестер. – Решила доставить им удовольствие.

– Но ты бы предпочла быть сейчас в другом месте...

Я робко кивнула.

– Где?

Я откинулась на спинку стула, Васко продолжал мне улыбаться, и я действительно была ему интересна.

– Куда бы я охотно перекочевала? Надо собраться с мыслями... На другой конец света, например... Или для начала в какую-нибудь спокойную забегаловку на углу ближайшей улицы.

– Вот и хорошо, пошли!

– Ну что за ерунда!

– Я серьезно. Мне хочется поближе узнать тебя, причем поскорее, а ты не горишь желанием оставаться здесь. Как, впрочем, и я, так что...

Он встал.

– Что ты делаешь?

– Пойдем?

Он протянул мне руку.

– Чего бы ты ни боялась, Мадлен, ложись на меня.

Не рассуждая и не паникуя, я взяла его за руку, а он осторожно сжал мою ладонь. Впервые за последние несколько лет я прониклась спокойствием, и мне стало хорошо. Мы сбежали, но гости не удивились и не обиделись. Со временем я выяснила, что Васко часто меняет планы, и к его манере все давно привыкли.

В тот момент никто не подозревал, что мы влюбимся, поженемся и родим дочку, но в конце концов поймем, что нам гораздо комфортнее оставаться лучшими друзьями, чем мужем и женой.

Поэтому очевидно, что сохранившаяся дружба между мужчинами нашей семьи не могла не радовать меня.

Весь вечер в моей квартире звучал смех, у всех было отличное настроение, и я купалась в этом простом счастье, даровом и лишенном притворства, несмотря на напряженные взгляды, которыми мои гости изредка исподтишка обменивались. Я копила на всякий случай их улыбки и взрывы смеха. Они все еще были моим топливом. И я больше всего хотела, чтобы мои улыбки и смех стали топливом для них. Они в этом нуждались. Но не я.

Время от времени я отстранялась и любовалась картиной, которую мы собой представляли. Все шло как надо, все было идеально.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что все же сожалею об отсутствии на ужине моей Лизы.

Глава третья

Где-то, неизвестно где

Ночью бушевала буря, но я не закрыл ни одного окна. Броситься в самую ее гущу, раскинув руки, я не мог, но мне нужно было ощущать ее близость, она должна была окутать меня. Я не играл, а просто стучал по клавишам рояля, заставляя его выталкивать наружу мою ярость, я вопил и призывал ее.

Я проклинал саму планету, Господа и всех святых. Зачем они в очередной раз помешали мне положить этому конец? Выходит, жизнь шла, а я только и делал, что дожидался, когда она наконец закончится. Неужели я такой трус? Неужели я трачу свое время на поиск оправданий тому, что удерживает меня от последнего прыжка?

Постепенно я научился ценить боль, грызущую меня. Она была моей верной подругой и не покидала меня, даже когда я, как в эту ночь, накачивал себя алкоголем и лекарствами. Она никогда не уходила далеко. Мы с ней вдвоем, словно давние любовники, скрывались в нашем мире, над которым не были властны ни невесомость, ни реальность.

Я должен признать одно важное достоинство боли – она сделала меня невыносимым. Можно сказать, так я добился, чтобы меня оставили в покое. Все те, кто годами обременял меня, постепенно отделились. Впрочем, нуждался ли я в них

вообще? Не уверен. Я их просто терпел. Они оккупировали мое личное пространство в редкие минуты моей слабости.

Теперь эти времена прошли.

Нет больше жены. Нет агента. Нет концертов и гастролей. Нет сольных выступлений.

Спокойствие.

Пустота.

Я наедине со своими демонами и своим роялем.

Только Натан еще цепляется за меня. Пора ему раз и навсегда возмужать.

Этим вечером я пришел на край пропасти.

Мое терпение достигло предела.

Глава четвертая

В другом месте

Я не включала свет и бродила по темной квартире. Ее освещали только уличные фонари. Я отодвигала момент, когда надо будет ложиться. Растягивала время, искривляла его. Внимательно наблюдала за деталями моего мира, запоминала его, не переставая спрашивать себя, зачем мне это. Неважно. Для чего лишать себя мгновений, которые я любила все больше и больше? В такие периоды мне казалось, что все останавливается. Тогда я ныряла в воспоминания, спокойно и бесстрастно размышляла над тем, что скоро произойдет. Блуждая по дому, я проводила пальцами по деревянной поверхности мебели или погружала их в подушки, наслаждаясь нежностью ткани и улыбаясь тому удовольствию, которое получала.

Если бы неожиданно ко мне вошла одна из сестер или Васко, они приняли бы меня за призрак, прогуливающийся в ночной рубашке во тьме. А ведь я пообещала им лечь спать, как только они уйдут.

Все было убрано, как если бы мы отменили сегодняшний ужин. Что было бы весьма досадно. Оставшуюся еду и принесенные продукты мои гости спрятали в холодильник, чтобы я правильно питалась в ближайшие дни. Цветы оживляли

гостиную. Я зарылась носом в букет, розы пахли так прекрасно. Никогда не стоит забывать аромат цветов. В нем словно таится привкус детства. Он наполняет мирной энергией. Я и забыла, что люблю его. Сюзанна и Анита думали обо всем. Они меня баловали. Возможно, излишне.

Я улыбнулась, найдя на столике в прихожей папку Васко. Завтра под предлогом своей забывчивости он забежит ко мне, чтобы забрать ее и заодно убедиться, что у меня все в порядке, а Лиза будет со мной на выходных. Его нежность и постоянное внимание очень ободряли, правда, вызывая одновременно чувство вины. Это никак не входило в его намерения, что я отлично понимала. Сумеет Васко прочесть мои мысли, он, вне всякого сомнения, устроил бы мне головомойку. Его вспыльчивость мне была хорошо знакома. Поэтому я прилагала усилия и скрывала внутренние конфликты, сотрясавшие меня.

Я делала все, чтобы не стать обузой для него, для моих сестер и особенно для дочери, но родные были гораздо сильнее меня. Как с ними бороться?

Невозможно. Они стремятся поддержать меня, помочь, почаще общаться, пока все нормально. Ну или пока сохраняется эта иллюзия. Как бы я хотела снять с их плеч груз, избавиться от необходимости постоянно следить за мной, от ожидания, которое изнуряло их сильнее, чем меня, и, главное, мешало им жить своей жизнью.

Я даже иногда мечтала о том, чтобы все произошло быстро.

Еще быстрее, чем предполагается.

Заглядывая в глубины своей души, я осознавала, что хотела бы покончить с этим прямо сейчас, но недостаток храбрости мешал мне утолить это довольно нездоровое желание, в котором нельзя было признаться.

“Нездоровое” – самое правильное слово.

Я должна была умереть.

Я это знала.

И они это знали.

Мы жили с этим знанием, уточню без всякой иронии.

Это был вопрос времени. Максимум нескольких месяцев. Наше преимущество заключалось в том, что мы полностью отдавали себе в этом отчет, никакой надежды нам не оставили. Обе мои сестры были врачами, и, несмотря на свой боевой дух, они в конце концов были вынуждены согласиться с мнением коллег. Я сражалась целый год, ни разу не опустив руки. Однако месяц назад результаты анализов были неоспоримы. Я проиграла.

Скоро моя жизнь закончится.

Каждый должен умереть однажды. Просто я надеялась, что у меня больше времени. Если поразмыслить, сорок три года – это довольно мало. Но мне придется ими удовольствоваться. Что я могла сделать? Ничего. И никто не мог ничего с этим сделать.

Единственная несправедливость терзала меня. Самая скверная из всех возможных. Неизбежность этого испытания для моей дочери. Я возносила благодарности высшей сущности, если таковая имеется, за то, что уйду раньше нее, ведь родители должны покидать этот мир раньше своих детей. Но лишиться матери, остаться сиротой в восемнадцать лет – это должно быть недопустимо. Нельзя заставлять ребенка переживать такую драму, такую потерю в самом начале юности. Как она продолжит взрослеть? Я грустила не оттого, что пропущу важные события ее биографии, меня приводила в отчаяние мысль, что на каждом значимом этапе Лизу будет переполнять печаль, и она будет спрашивать себя: “Что бы сказала мама?”, “Почему со мной нет мамы?”, “Каким было бы мамино мнение?”. Там, где я окажусь, мне не придется страдать. Она же, напротив, подвергнется атакам реальности. Но и против этого мы были бессильны.

После объявления фатального приговора я выплакала море слез, лежа в постели или закрывшись в туалете, чтобы никто не видел, что я сдалась. И вскоре приняла решение. В

Лизиной памяти не сохранится образ мамы – подавленной женщины, постоянно перечисляющей все вероятные события, в которых она не сможет участвовать вместе с дочкой. Напротив, я должна дать ей силы, чтобы она жила дальше и двигалась вперед. Без меня. Моя роль состоит в том, чтобы наполнить ее душу всем, чем я смогу, до того как исчезну из ее жизни. Какой единственный выход оставлен нам? Принять неизбежное. Часть своей энергии я потратила на то, чтобы донести эту идею до окружающих. Я всегда восхищалась Лизой, но теперь она пошла даже дальше и, проявив удивительную зрелость, стала моей лучшей союзницей в этом сражении. Мы обе не собирались тратить то малое время, что нам оставалось быть вместе, на борьбу с неотвратимым и сетования на выпавшую нам судьбу. Семья, в конце концов, не устояла против моего упорства и согласилась выстраивать новые воспоминания. Последние.

С этого момента я опять была в ладу с собой.

Я перестала отвечать на некоторые вопросы, приводила дела в порядок и продолжала более или менее нормально проживать то, что мне осталось. Если меня вдруг спрашивали “Чем ты больна?”, я отвечала, что это не имеет никакого значения. Вопрос не в этом. Конец у всех один. Когда он известен, нет нужды выяснять, с чего все началось, разве что для удовлетворения своего рода нездорового любопытства.

Диагноз роли не играет. Важны лишь конечная точка и то, как ты живешь до того, как она будет зафиксирована на бумаге.

Я лежала в постели, уставившись в потолок. Сражалась со своими страхами. Я, конечно, сохраняла внешнюю безмятежность, но мне было невероятно трудно, чтобы не сказать невозможно, перестать бояться. Особенно ночью. Особенно когда я лежала в постели. Каждый вечер я задавала себе вопрос, буду ли в этом же положении, когда все закончится. Когда мое тело прекратит сопротивление. Не стоило бы допускать такие мысли, это нехорошо. Но как их запретишь? Это же естественная человеческая реакция, разве нет? Как в тот миг, когда засыпаешь, не спросить себя, не закрываешь ли ты глаза в последний раз? Когда я боролась с подступающим сном, мое дыхание учащалось – и это утомляло и ослабляло меня, – настолько гнетущим был ужас от того, что это может быть концом. Я цеплялась за псевдошестое чувство, убеждая себя, что, когда время подойдет, я это интуитивно пойму. А пока оно еще не пришло. Оно не заставит себя ждать, но у меня есть небольшая передышка. Я успокаивала себя, как умела.

Как странно знать, что скоро умрешь. Меня одолевали самые неожиданные вопросы. Где бы я хотела быть в ту самую минуту, имей я выбор? С кем?

Хотела бы я быть одна? Чье лицо я бы предпочла увидеть в последнее мгновение? Буду ли я в сознании? Или оно окончательно затуманится, защищая меня от горя Лизы, Васко, сестер? Это можно счесть безумием, но я отказывалась сбегать по-тихому. Если бы мне позволили выбирать, я бы потребовала своего присутствия, возможности попрощаться с ними и повторить, как сильно я их люблю.

И еще один вопрос мучил меня. У меня не было ответа на него, и я старалась отодвинуть его подальше. Из-за того, возможно, что ответ причинил бы мне боль, а я полагала, что на мою долю выпало и так достаточно страданий.

Остались ли у меня сожаления?

Глава пятая

Где-то, неизвестно где

Меня потревожила струя свежего воздуха, но еще больше агрессивный дневной свет. И шум, какая-то возня вокруг меня. Скорее бы все прекратилось!

– Папа... Ты опять играл всю ночь!

Почему со мной разговаривает Натан? Что он здесь делает? Я слышу упрек в его голосе? Но он должен был приехать позже. Мы даже условились, что я встречу его на вокзале. Тогда мне бы хватило времени привести себя в порядок и помешать рассыпаться легенде, в которую, впрочем, Натан больше не верил.

– Давай, подымайся!

Под нажимом Натана, и по-прежнему сомневаясь в реальности его присутствия, я открыл глаза и недовольно огляделся. Надо мной склонилось насмешливое лицо сына.

Откуда у него столько энергии? И невероятно солнечная улыбка? Не от меня, это уж точно. Тело протестующее захрустело, когда я поднимался с дивана. Я с трудом припомнил, как рухнул на него. Единственное, в чем я был уверен: Натана здесь не было. Массируя виски в попытке избавиться от злой головной боли, я наблюдал за сыном, расхаживающим по комнате. Я догадывался, что размах бедствия удручает его. Он поднял на свет бутылку, проверяя, сколько

в ней осталось: ничего, – и сокрушенно покачал головой.

– Ты слишком много пьешь, – вздохнул он. – Я правильно сделал, что приехал раньше.

Когда я встал, мне потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить равновесие. Уверившись, что надежно стою на ногах, я подошел к сыну. Молча поцеловал в лоб и поспешил в ванную. Надо было вынырнуть из тумана, в котором я плавал.

Выйдя чуть позже к сыну, я увидел безупречно чистую кухню: само присутствие Натана согрело ее. Он навел порядок в гостиной, разоренной ветром и дождем, которые я впустил в дом. Мы с ним поменялись ролями. Сегодня сын готовил завтрак для отца. Накормить меня – для него способ обрести уверенность и позаботиться обо мне. Он призывал на помощь наши с ним счастливые воспоминания раннего детства, те редкие случаи, когда я варил ему яйца или жарил яичницу. Нужно было освободить его от этого груза. Он поставил на стол тарелку, молча приказав есть. Я придал своему лицу такое же лукавое выражение, как у него, что было нетрудно, поскольку все свои манеры Натан позаимствовал у меня. Этим я провоцировал его и сам не смог бы объяснить зачем. Я налил себе кофе и закурил сигарету. Он со смехом покачал головой.

– Ты хуже ребенка, папа!

Я засмеялся в ответ. Не стоило его раздражать, так что

я загасил сигарету и сел за стол. Он устроился напротив и ткнул вилкой в свой омлет. У Натана был цветущий вид. Откуда он приехал, интересно? Совсем скоро я это узнаю.

– Ты сюда надолго? – спросил я, проглотив кусочек омлета.

– Еще не решил... на несколько недель. Может, пробуду больше. Может, меньше.

До сих пор речь шла лишь о нескольких днях. Натан не должен оставаться так долго. Надо найти способ выпроводить его отсюда пораньше. Пусть он идет своей дорогой, причем окончательно и без меня.

Глава шестая

В другом месте

Веки были такими тяжелыми. Мне ужасно хотелось их поднять. И не получалось. Вместо кожи был свинец. *Я ощущала* движение рядом с собой. Ничего агрессивного. Совсем наоборот, похоже на чье-то нежное присутствие. Свет был не ярким, а рассеянным. Я почувствовала тепло на лице. Зашуршала ткань. Я проклинала свою утреннюю слабость. Когда я наконец-то засыпала, тело почти угасало. Сон давал ему передышку в битве, которую оно непрерывно вело. Как хорошо было бы оставаться живой и вставать, как я это делала раньше. Одним рывком. С взъерошенными волосами. Протереть кулаками глаза, а потом широко их открыть. И сейчас все вызывало мое любопытство, мне хотелось поскорее рассмотреть, что происходит вокруг. Вот только я мучительно и тщетно пыталась пошевелиться хотя бы для того, чтобы немного сдвинуть одеяло. Я была буквально растоптана болью и процессом разрушения, идущим внутри моего организма. Мои способности исчезали одна за другой, а я никак не могла это остановить.

– Мама, не торопись, – прошептал красивый Лизин голос.

Из-за прилипшего к небу языка и рта, пересохшего от тонны поглощаемых лекарств, я смогла ответить лишь стоном, мне самой показавшимся жалким. Мне было стыдно. Ужас-

но, что Лиза видит меня такой, хоть она, к несчастью, к этому уже и привыкла.

– Мы никуда не спешим.

От ее бодрого голоса мне захотелось плакать. Сразу после пробуждения я была предельно уязвимой. Любая ерунда могла меня раздавить.

– Нет! Нет! Нет! Сегодня суббота, мама, так что мы имеем право на безумства.

Лиза погладила меня по щеке, и слезы отступили. Она скользнула под простыню, помогла мне принять более удобное положение и уткнулась лицом мне в шею. Потом закинула на меня руку и вылила на мою кожу весь жар своего тела. У меня вырвался вздох блаженства.

– Хочешь, чтобы разбудить тебя, я расскажу, как провела вечер?

У меня получилось кивнуть. Лиза неторопливо и в подробностях сообщила мне о своих друзьях, о сангрии и пицце, разогретой в микроволновке. О парне, который пытался ее клеить, а она его послала. О том, как она танцевала и пела, словно буйнопомешанная, вместо меня. Мы с ней заключили договор. Я потребовала, чтобы она пообещала всегда танцевать и петь, даже когда меня не будет – особенно когда меня не будет, – несмотря на то, что сама я этого обычно не делала. А вот она, наоборот, это обожала, и я не хотела, чтобы с моим уходом все переменялось.

Лизу всегда переполняли радость, смех и ирония. Она была воплощением жизни. Объявилась она неожиданно, мы с Васко не успели к этому подготовиться, мы вообще не были готовы к встрече с ней. Мы тогда были молодыми, и вопрос создания семьи даже не обсуждали. Она стала случайным следствием нашей любви. Самым хрупким и нежным из всех. Мы стали родителями в тот момент, когда очертя голову ринулись в создание туристического агентства. Ребенком, которого мы сознательно планировали, было как раз оно, а вовсе не настоящий младенец из плоти и костей, плачущий, растущий, требующий времени. Я запаниковала и хотела отложить на потом наш бизнес-проект, а Васко, с его легендарной энергичностью, был, напротив, готов ответить на вызов. Его слова до сих пор звучали у меня в ушах: “Мадлен, наша кроха будет гражданином мира!” Он был прав: именно такого ребенка мы и сотворили. Сначала в моем животе, а потом в свои первые годы Лиза совершила кругосветное путешествие, спала в экзотических и сомнительных местах, перепробовала все кухни мира и выросла, распевая и танцуя, и никогда не оставаясь в нашей тени. Она сразу заняла собственное место. Наши поездки быстро сделали ее самостоятельной. Я запрещала себе думать, будто из-за нас она слишком рано повзрослела. Мне не нравилась эта мысль, я отказывалась считать, что наше полукухачье существование в ее малышовые годы лишили нашу дочь детства. В последнее время мы это часто обсуждали. Лиза успокаивала меня и

делилась воспоминаниями. Ей всегда удавалось завести приятелей, она никогда не боялась показаться навязчивой. Она подходила к детям, спрашивала с помощью знаков, ужимок и улыбок, можно ли поиграть с ними, и все тут же протягивали ей руки. Сколько раз во время наших деловых встреч мы оставляли ее под присмотром практически незнакомых людей, которых она успевала очаровать и которым мы ухитрялись поверить с первой минуты? Я не считала. Но когда мы возвращались к ней, она всегда танцевала и пела.

Ничто на свете, даже утрата матери, не должно было похитить у нее это сокровище – ее сияние.

– Я горжусь тобой, – удалось мне произнести.

Она еще крепче обняла меня, и мы бесконечно долго прижимались друг к другу.

– Как тебе кажется, ты сможешь подняться? – спросила она позже.

– Да, смогу.

Она отпустила меня и отошла в сторону. Мои веки наконец-то поднялись, и взгляд остановился на ее красивом лице. Сияющие золотисто-зеленые глаза с деликатной окантовкой напоминали мои. Мои, до того как все случилось. Она улыбнулась мне, и в улыбке отразилась вся ее немалая сила. Я почерпнула из нее недостающую энергию и с гримасой боли оперлась на руки. Когда я прислонилась к спинке кровати, Лиза подложила мне под спину подушки.

– Пойду принесу завтрак!

Она исчезла, а я воспользовалась ее отсутствием, чтобы перевести дух: мне понадобились изрядные усилия, чтобы выпрямиться. К дочкиному возвращению холодный пот успел высохнуть. Она поставила поднос мне на колени и устроилась со своим завтраком у меня в ногах. Меня ждали слабенький чай и печенье. После сна допускалась только такая еда.

Увидев, что мне предлагается, я не сумела скрыть отсутствие энтузиазма.

– Ты хотела бы другого, я знаю.

– Все бы отдала за большую кружку настоящего черного кофе!

– Через час или два я тебе его сварю, только не крепкий! Договорились?

– Да. Я бы и на кошачью мочу согласилась, напоминай она кофе хоть приблизительно!

Она засмеялась. Я тяжело вздохнула, сдаваясь. Нас ждет хороший день. Еще несколько часов, и я буду как бы в форме – ради нее. Ради нас обеих.

Глава седьмая

Где-то, неизвестно где

Натан приехал и сразу отвлек меня от размышлений. Он оккупировал мое пространство, нарушил привычки. Подмечал мои причуды, указывал на них и расставлял ловушки, которые должны были помочь мне от них избавиться. Я не мог убедить его в том, что эти привычки помогают мне сохранять равновесие. Сын пытался пригасить кипящее во мне раздражение, которое несомненно замечал, и для этого заставлял меня совершать вместе с ним пробежки или увлекал в долгие прогулки по прибрежной тропе. Он затеял в доме весеннюю генеральную уборку, настояв на том, чтобы я в ней участвовал. Решил разобрать коробки, так и оставшиеся не распакованными после переезда, и при этом задавал вопросы, как если бы ему было пять лет: “А это что?” Если я ругал его, он смеялся. Он готовил нам еду. И все время болтал без умолку. Рассказывал о плавании на кораблях – ему удавалось наниматься на научно-исследовательские суда, поддавшись зову сирен из организаций по защите планеты. Этот мир был для меня чужим, а он им восхищался. В том-то и суть. К большому разочарованию своей матери, учебой он не интересовался. Он сам выбирал свой путь, а я ему позволял идти по нему. Я давал ему свободу, которой сам был лишен. Самое малое, что я мог для него сделать. Теперь он считал себя

зрелым человеком и ровней своему отцу. Поэтому он взял на себя обязанность следить за моим лечением и давал таблетки строго по времени в соответствии с рекомендованной схемой. Я подозревал, что он проконсультировался с моим психиатром, чтобы уточнить дозы. Мой крутой нрав был ему известен.

Только что Натан ушел на пляж. Согласился оставить меня одного. Наконец-то... Он обернулся, наверняка догадавшись, что я наблюдаю за ним с террасы. Помахал мне рукой, широко улыбнулся и двинулся дальше. Меня захлестнул гнев. Почему он так за меня цепляется? Зачем он все дополнительно усложняет? Я не мог больше смотреть на него и вернулся в дом. Бар был заперт на ключ, аптечка тоже. Он забыл о своем разгильдяйстве. Что само по себе неплохо, но только если не распространяется на меня. Даже спустя девятнадцать лет мне казалось совершенно нереальным, что мой сын любит меня.

Будь я другим человеком, я бы радовался возможности наверстать с ним упущенное время. Если задуматься, я совсем мало видел его в детстве.

Я не воспитывал сына. Его мать тоже. Им занималась вереница няnek. Они не так уж плохо справились со своей задачей. Он был гораздо более уравновешенным, чем я, – что не так уж трудно, скажете вы, – и он как будто был счастлив. Это чувство было мне незнакомо.

За единственным исключением.

Глава восьмая

В другом месте

Несколько дней подряд я терпела атаки болезни, поэтому обрадовалась, поняв, что наконец-то в состоянии пойти в агентство. Я более-менее восстановилась, а дорога не требовала особых усилий, поскольку наш офис располагался двумя этажами ниже моей квартиры. Всякий раз, когда я была хотя бы немного в форме, я отправлялась туда, чтобы провести там час или два. Я нуждалась в этом. Пассивность пугала меня. Просто приводила в ужас, надо признать. Я хваталась за соломинку нормальности. Пока у меня остается хотя бы искра энергии, я буду пользоваться ею.

К тому же я любила наше агентство путешествий, ту атмосферу, которую мы создавали с самых первых дней и которая не улетучилась, несмотря на все перемены и появление новых лиц. Очень долго агентство составляло мою повседневную жизнь, нашу повседневную жизнь. Все началось, честно говоря, со встречи с Васко. Изначально агентство было его идеей, а меня он привлек уже к ее реализации. Общее дело цементировало нашу связь, наполнило новым смыслом нашу историю. Мы были обязаны ему безупречной дружбой, сумевшей пережить развод. Мы с Васко исколесили все континенты, держась за руки, наслаждаясь радостью открытий,

вкалывая в поте лица, переживая трудности и добиваясь побед в поисках редко посещаемых туристических направлений. Мы завоевали право гордиться своим успехом. Мы не только много работали, но и веселились как безумные. Энтузиазм, который Васко проявлял во всем, открыл для меня доселе неведомый мир. Я научилась ценить взаимодействие с коллегами и получать удовольствие от встреч с разными людьми. И я окончательно похоронила ту женщину, какой была до этого.

Мы были командой, идеальными партнерами, дополняющими друг друга, понимающими друг друга с одного взгляда, но при этом оставались кем угодно, только не влюбленными. Васко был женат скорее на турагентстве, чем на мне, но это меня совсем не напрягало, и я не расстраивалась из-за нехватки любви, поскольку не была склонна к взрывам эмоций. И вот в один прекрасный день, когда Лизе было семь лет, мы наконец-то осознали, что между нами больше нет желания, страсти, чувственности, нас больше не тянет друг к другу неудержимо. Поэтому мы перестали изображать семейную пару, но позволили расцвести нашей неразрывной дружбе, полностью лишенной сексуальной подоплеки. Дочерью мы были обязаны лишь вполне естественному пылу начального периода. Но пыл этот быстро угас. А в остальном мы были неразлучны и совершенно не способны оставаться вдали друг от друга или даже на секунду заподозрить, что

один из нас двоих может уйти из агентства.

Мы продолжили работу, наш бизнес развивался. Агентство было нашим вторым домом, мы отдавали ему все силы, всю энергию. Оно было самым важным после Лизы. До последнего времени его будущее представлялось нам вопросом жизни или смерти. И сейчас я была в этом убеждена, вопреки своему состоянию. Но приходя туда, я отдавала себе отчет в том, что теперь я всего лишь статистка. Да, так сложилось, но я испытывала удовлетворение от того, что вместе с Васко создала такую симпатичную компанию, от улыбок коллег и от общения с нашими партнерами в разных концах света.

Когда я переступила порог, у меня закружилась голова, но, к счастью, это осталось незамеченным, как, впрочем, и само мое появление. Не стоит провоцировать панику в войсках. Прислонясь к стенке в прихожей, я наблюдала за кипучей деятельностью в конторе. Коллеги расхаживали по офису, вели переговоры, прижав плечом к уху телефоны, с большими папками-планшетами в руках. Здесь были Васко, вся наша команда, а также новая сотрудница, приглашенная мне на замену. Они готовились к утверждению каталога на следующий год. Каталога, результатов работы по которому я уже не увижу. Почему я не подумала об этом раньше? Наверное, потому, что у меня были другие заботы... А ведь я усердно трудилась над ним. Я вспомнила, как всего несколько ме-

сяцев назад вместе с дизайнером готовила первый вариант макета, писала тексты о наших новых турах в края, которые отыскал и посетил Васко. Я не узнаю, завоюют ли недавние находки тот успех, на который мы рассчитывали. Не услышу, как Васко завопит от радости, когда удастся выйти на новые рынки или же когда очередная гостиница заполнится на сто процентов. К этому моменту меня уже не будет.

Со мной такое случалось редко, однако сейчас меня накрыл внешне никак не проявившийся, но яростный прилив злости. Хотелось бы найти силы, чтобы с размаху шарахнуть, неважно по чему. Мне бы подошло что угодно. Но сделать это не получится.

Все кончено.

Смерть – мерзкая штука.

Я двигалась по офису, и никто не обращал на меня внимания. Я уже ушла. Они отвыкли от моего существования, у них имелось собственное. Они продолжали жить. Я исчезла. Я их видела. Они меня – больше нет. Зачем интересоваться моим мнением по тому или иному поводу? В отличие от них, у меня нет будущего.

Я разрывалась между противоречивыми желаниями. Больше всего я хотела, чтобы остальные сумели жить без меня, и в то же время меня не устраивало, что они дожидаются

моего ухода, чтобы продолжить свой путь. Это было слишком больно. Я стала прозрачной, невидимой, а это неестественно и несправедливо. Разум бунтует, хочется заорать: “Я здесь, не забывайте меня! Еще не сейчас! Не так сразу!”

Но я не имела права. Не собиралась навязывать им мысли о том, что они продолжают жить и потому виноваты передо мной.

Никто не должен мучиться виной за то, что живет. Человек обязан получать удовольствие от жизни, наслаждаться ею.

Снова и снова.

Меня постепенно окутывала черная пелена. Я превратилась в тень.

Мне никогда не приходило в голову, что тень может страдать. Выходит, я ошибалась.

Я сидела за своим столом, дверь в мой кабинет была открыта, я наблюдала за тем, как сотрудники нашего агентства живут, работают, подшучивают друг над другом, радуются результатам. Без меня. Для меня больше не осталось места.

Этот вывод упрощал мою задачу, как и задачу Васко. Я лишь опережала его на шаг. Я не планировала устраивать отъездную. Я не переходила на другую работу, а умирала. Пакуют ли в таких случаях вещи? Возвращают ли ключи? Способна ли я, впрочем, на это? Понятия не имею. Должна ли я после своего ухода оставить эгоистичный след? Чтобы на-

помнить им всем, что это я вместе с Васко создала агентство. Что он не в одиночестве ввязался в эту фантастическую и увлекательную авантюру, занявшую значительную часть моей жизни. Или я должна полностью самоустраниться и стереть мельчайшие следы своего присутствия?

Я всегда любила уходя оставлять за собой порядок. Поэтому я занялась разборкой вещей, насколько это было в моих силах. Других дел у меня не было. Мне больше ничего не поручали, потому что было неизвестно, доведу ли я что-либо до конца. Страницы досье, к которым я не прикасалась в последние недели и которыми давно занялись другие, полетели одна за другой в корзину для бумаг. Самые важные и конфиденциальные материалы в конверте с надписью “Васко” отправились на стеллаж. Когда придет время, он сообразит, что с ними делать. Я не поддавалась искушению заглянуть в них – не хотелось рисковать, вдруг я углублюсь в содержание или начну перебирать чудесные воспоминания, которые ослабят мою решимость покончить со всем раз и навсегда.

Самая символичная часть уборки: снять со стен фотографии. На них – наши путешествия и партнеры на местах. Я с ними. Я с Васко. В форме. Живая. Пусть делают с этими фото, что хотят. Меня это больше не касается. По крайней мере, они больше не будут натывать на мое лицо, заходя в эту комнату. Я превратилась в режиссера своего исчезновения. Стирала себя из их воспоминаний. Мое тело среаги-

ровало на это по-своему. Навалились боль и тошнота, с которыми я не могла справиться. Организм противился моему намерению. Но ему не победить. Не сейчас. Еще не сейчас.

– Что ты делаешь, Мадлен? – спросил Васко. Я не заметила, как он оказался рядом.

Зажмурившись, я глубоко вдыхала и выдыхала, чтобы прийти в себя. Только бы он не догадался, как мне плохо.

– Освобождаю кабинет, – с вызовом ответила я.

Он удивленно и недовольно нахмурился.

– С какой стати?

Я отрешенно ухмыльнулась.

– Я ухожу.

– Нет! – выкрикнул он.

Мне вдруг стало жарко, накатило изнеможение.

Я рухнула в кресло.

– Нельзя так долго держать в кладовке твою новую компаньонку, – устало объяснила я.

– Нашу новую компаньонку!

– Васко, прекрати, пожалуйста. Она твоя компаньонка, а не моя.

Его лицо исказилось.

– Никаких “пожалуйста”! Ты не уйдешь! Я не позволю тебе! Это твой кабинет. Никто, кроме тебя, никогда не займет его.

Он схватил мои аккуратные стопки документов и раскидал их по столу. Вскрыл адресованный ему конверт. Листки

разлетелись по кабинету. Включил мой компьютер. Порылся в корзине, вытащил и распрямил бумаги, смятые в комки несколько минут назад. Я позволила ему сорваться, никак не реагируя. Он вправе избавиться от груза, давившего на его плечи. Моя заместительница – отличная специалистка, но на меня не похожа. Ему придется научиться работать по-другому. Но пока я здесь, и он, как привык это делать, с увлечением рассказывал мне обо всем, что происходит в агентстве, и интересовался моим мнением. Васко терял свои профессиональные ориентиры, а ведь он привык все контролировать, полагаясь при этом на то, что я всегда буду рядом. Как тут не вспомнить и о самой большой ответственности, которую ему предстояло нести. Я имею в виду нашу дочь. Как же ему, наверное, страшно очутиться один на один с ней и делать все, чтобы помочь ей справиться с моим уходом. Звучит ужасно, но мое положение комфортнее, чем его. Скоро у меня не останется никаких забот. И напротив, мужчина, которого я люблю, согнетса под их тяжестью. Я даже представить себе не могла ураган, который обрушится на него.

Когда Васко обнаружил стопку фотографий в рамках, это стало последней каплей: он с трудом справлялся с нервами, развешивая фото на прежние места, торопясь вернуть все в нормальное состояние. Одна рамка сорвалась и упала, стекло разбилось. Мы долго-долго не могли оторвать глаз от того, что осталось от снимка, на котором мы были вдвоем на

заре создания нашего агентства.

– Черт! – взорвался Васко.

Он подавил рыдание и с размаху ударил кулаком по стене.

– Зачем ты это делаешь, Мадлен? У тебя еще есть время...

Прошу тебя...

Его напряженный голос подтвердил мою догадку. Он был на пределе. Я собрала последние силы и встала. Холодный пот покатился по спине, выступил на лбу. Я положила ладонь ему на плечо и заставила посмотреть на меня. Посопротивлявшись несколько секунд, Васко сдался.

Мы оба были одинаково растеряны.

Никого не учат, как правильно умирать. Мне не достанет извращенности, чтобы добавить “к сожалению”. Но в моменты, подобные этому, учебник был бы не лишним. Неужели я все делала шиворот-навыворот? Считала, что окажу Васко услугу, позаботившись о том, что будет после меня, а в результате только нанесла ему удар. А ведь я была уверена в своей правоте, хотя, конечно, в моих действиях присутствовала и доля эгоизма.

– Смешно дожидаться конца, чтобы уйти, – мягко сказала я.

– Ты еще здесь. Почему ты хочешь лишить себя этого?

– От меня никакой пользы. И я не хочу, чтобы мне об этом напоминали всякий раз, как я сюда приду.

– Неправда! Ты нужна мне!

– Ошибаешься. Я для тебя обуза, я обуза для всех вас...

В этом кабинете должна сидеть твоя новая компаньонка, а не я. Если она будет ждать, пока я... короче... ждать, чтобы перебраться сюда, она этого никогда не дожидется. Знаю я тебя, ты способен превратить этот кабинет в мавзолей.

Он грустно засмеялся, не сумев ничего возразить против той правды, которую я только что выложила. Время бежало, и постепенно его лицо перестало выражать готовность заставить меня изменить решение.

– Обещаешь, что будешь приходить, когда захочешь? – в его голосе была мольба. – Позволь мне верить, что ты снова перешагнешь порог агентства.

– Даю слово.

Он прильнул к моему лбу долгим поцелуем. Я боролась со слезами. Только что я дала обещание, не имеющее никакой ценности. Перед смертью можно пообещать что угодно, хоть луну с неба и золотые горы, это ни к чему не обязывает. Можно поиздеваться над собой, растоптать свои клятвы, но с последствиями дело иметь не придется. Мне это было известно. Как и Васко. Но он потом вспомнит, что я хотела вернуться.

– Мне осталось только убрать бардак, который я устроил.

– Иди работать, Васко, тебе надо закончить каталог, а здесь я сама все разберу.

Он поймал мою руку и крепко сжал.

– Они прекрасно справляются без меня. Позволь мне не уходить. Мы должны сделать это вместе.

Мы превратили уборку в рабочий процесс. Я предоставляла ему информацию по некоторым документам, он просил меня что-то объяснить. Мы обсудили его новые проекты, его поездки, более-менее запланированные с учетом “моей ситуации”. Я убеждала его взять с собой Лизу, он ответил, что подумает. Я не настаивала. Рассматривая фотографии, мы оба временами взрывались смехом. Накатывали воспоминания, и я принимала их – ради него, ради себя. Ради того, что мы пережили вместе.

Шаг за шагом мы восстанавливали нашу историю.

Это причиняло боль.

Это было приятно.

Васко унес в свой кабинет все, что счел нужным, остальное вернулось в мусорную корзину. Он развесил все фотографии из моего кабинета в коридорах агентства. Кивком пригласил меня выйти и оценить результат. Я изо всех сил пыталась справиться с эмоциями. И он тоже. Я почувствовала, как он сдавливает и мнет мою ладонь, и мне все стало ясно. И все-таки я не исчезну отсюда окончательно. Я осталась на стенах, улыбающаяся, сияющая, путешествующая. Они вспомнят, что моя профессиональная жизнь была богатой. В душе я посылала всем благодарности за то, что никто не подчеркивал значимость происходящего.

Вдруг ногам стало тяжело удерживать тело, меня все сильнее шатало, Васко крепче обнял меня, положив руку мне на спину.

– Проводишь меня домой? – прошептала я. – Хочу отдохнуть, пока Лиза не вернулась с занятий.

– Если ты готова, пойдём.

Я послала всей команде воздушный поцелуй, старательно улыбаясь, потом, не оборачиваясь, пошла к выходу. В последний раз.

Несколько минут спустя Васко помог мне лечь в постель, сунул телефон под подушку, на всякий случай... потом осторожно поцеловал.

– Я люблю тебя, Мадлен.

Я погладила его по щеке и ласково улыбнулась.

– Я тоже люблю тебя.

Он выпрямился и молча покинул мою квартиру, не оглянувшись. Он не увидел моих слез.

Только что завершилась глава моей жизни.

Глава девятая

Где-то, неизвестно где

Говоря по телефону с матерью, Натан терял терпение. Она возмущалась, что он приехал ко мне, а не к ней. Однако он принял мою сторону, что меня очень удивило, и упрекал ее за то, что она бросила меня на произвол судьбы. Вообще-то она умная женщина, но сама себе вредила, неустанно твердя, что я могу заразить его и потому он должен держаться подальше от меня. “Твой отец безумец! Ты должен усвоить это раз и навсегда!” Если бы она была рядом, я бы возразил, что ей некого, кроме самой себя, винить за свои опасения. Ни наш сын, ни я не виноваты в ее слепоте в том, что касалось меня. А ведь абсолютно все было очевидно уже в тот момент, когда мы с ней встретились.

Чтобы больше не слышать, как упорно сын меня защищает, я сел за рояль. Руки выдали меня. Они без моего ведома заиграли одно из произведений, которые я исполнял тем вечером, когда Кароль – женщина, ставшая потом матерью Натана, – “подцепила” меня. Ирония заключалась в том, что эта музыкальная тема стала последней – не удовлетворившей меня, впрочем, – которую я сочинил, перед тем как окончательно бросил писать музыку.

Я ненавижу светские мероприятия, но мне не удалось увильнуть от коктейля, устроенного в мою так называемую

честь. Агент не позволил мне этого сделать. К тому же прием отвлек меня, разогнал на время моих демонов, увеличил дистанцию между тем, что я утратил, и тем, что от меня осталось. Худой, с бледным лицом, затянутый в удушающий смокинг, я бродил в толпе невыносимых людей, которые пришли лишь для того, чтобы быть замеченными на выступлении сына знаменитого... Они ничего не понимали в музыке, она их не интересовала, но я был вынужден их терпеть. Я держал их на расстоянии под предлогом хандры, никто не приближался ко мне, а я опрокидывал бокал за бокалом. Если они воспринимали меня как проклятого артиста и это их развлекало, на здоровье. Будь благословенно время, когда можно было закурить где угодно. Я стоял с сигаретой, прислонившись к стене, как вдруг ощутил на себе взгляд, более настойчивый, чем другие. Любопытство заставило меня поднять голову. И я встретился глазами с Кароль. Почему эта великолепная женщина одарила меня своим интересом? Проявленное мною секундное внимание побудило ее подойти. Я был истощен битвами, которые вел непрерывно, и потому позволил ей околдовать меня. Через несколько часов я очутился в ее постели.

Кароль заполнила пустоту, заняла пространство, в котором я мог утонуть, я скрывался в ее теле, как в убежище, позволял ей демонстрировать меня, красоваться в компании собственного пианиста-виртуоза, но при этом не понимал,

что во мне ее привлекает. Я почти всегда был мрачен, я был асоциален. Я представлял собой противоположность тому, что можно было считать идеальным мужчиной.

Мы встречались в промежутках между гастролями. Мне этого хватало, чтобы сохранять равновесие. Когда ее не было рядом, у меня была музыка. А когда музыки не было, рядом оказывалась она. Я по-своему любил ее. Первое время она не ждала от меня ничего сверх того, что я ей предлагал.

А потом однажды заявила, что хочет ребенка. Временная причуда? Но ведь проблемы с психикой были не у нее... Впрочем, об этом я почти забыл. Может, она меня на самом деле не знала? Не понимала того, что зреет во мне и откуда я вышел? Да и с чего бы ей это знать? Этого не знал никто, кроме человека, которого я потерял. Кароль видела меня лишь тем, кто соответствовал ее представлениям обо мне.

Я во второй раз в жизни захотел поверить, что могу жить как нормальный человек и строить будущее. Поэтому я дал ей этого ребенка. Натана.

Я резко остановился, перестал играть.

Почему ей это пришло в голову? Откуда взялась эта идея, обреченная медленно, но верно разрушить равновесие, которого, казалось, я сумел достичь? Разве я мог представить, что встреча с Кароль подарит мне любовь сына и подтолкнет меня к возвращению в этот дом спустя двадцать лет?

– Давай со мной на пробежку! – крикнул с порога Натан.

Я заворчал.

– Сколько можно замыкаться в своей музыке, папа?!

Глава десятая

В другом месте

Лиза сегодня решила пойти в университет. Вообще-то она училась спустя рукава. Мне бы упрекать ее за это, но не получалось. У меня не осталось времени на споры с дочерью. Как и желания спорить. Когда я, отодвинув в сторону все проблемы, пробовала напомнить ей, что нельзя пропускать занятия, она язвительно отвечала, что у нее все впереди и она еще успеет поучиться. Воспоминания, которые мы с ней сейчас создавали, значили для ее будущего гораздо больше, чем какие-то занудные университетские предметы. Я бы хотела, точнее, должна была бы возразить, что как раз в эти месяцы определяется ее судьба, что упущенные моменты студенчества не наверстать, что ее существование, в отличие от моего, не заканчивается прямо сейчас, а поставить жизнь на паузу невозможно. Но мне не доставало смелости.

Ее неожиданное желание отправиться на занятия удивило меня, но я постаралась скрыть это. Я наблюдала за тем, как она собирается, заталкивает ноутбук в сумку и смотрит в зеркало в прихожей. Старается хорошо выглядеть ради какого-то парня? Я часто задумывалась о том, чего еще буду лишена. И сейчас я нашла очередной повод для сожалений: вряд ли мне доведется увидеть свою дочь охваченной любовной лихорадкой, с отчаянно бьющимся сердцем. Будет ли

она страстно влюблена? Пока, полагала я, она далека от этого. И в этом виновата я.

Лиза вела себя как-то уклончиво и вроде бы торопилась, что совершенно не было на нее похоже. Впрочем, перед тем как расстаться со мной, она убедилась, что ее уход меня не огорчит. В ответ я изобразила губами поцелуй. Открывая входную дверь, она обернулась ко мне:

– Мама... я...

Она тяжело вздохнула, будто пыталась отогнать какие-то мысли.

– Нет, ничего... не волнуйся. Встретимся вечером?

Едва различимый надлом в ее голосе заставил мое сердце сжаться. Я сделала над собой усилие и улыбнулась ей. Она на мгновение застыла, а потом молча ушла. Моя слабость нарастала, и одновременно со мной тускнела Лиза.

Долго пережевывать мрачные мысли мне не пришлось. Когда стало ясно, что конец близок, мои сестры, как обычно, вдвоем, не спрашивая моего мнения, решили освободить от работы один день в неделю, чтобы проводить его со мной. Они явились незадолго до полудня и подвергли меня еженедельному осмотру. Я не сопротивлялась. В спорах с младшей сестрой они всегда побеждали. И потом это их успокаивало – или наоборот, в зависимости от моего состояния, – поскольку они ощущали себя полезными. С моими лечащими врачами они договорились, что будут сопровождать ме-

ня до самого конца. Только их руки я пока выносила, только им позволяла трогать мое тело, хотя обычно я отключала от него свой разум, когда они спрашивали о моем состоянии. В такие минуты я была далеко отсюда, мой взгляд становился пустым, а кожа бесчувственной. Тело больше мне не принадлежало или, по крайней мере, отказывалось посылать сигналы вторжения. Оно меня защищало. С ума сойти, защиту обеспечивает тот, кто предал меня! После проверки моего состояния сестры щелкали пальцами у меня под носом, чтобы я вернулась к ним, и оглушали меня рекомендациями и советами насчет замены одного лекарства другим.

А потом, по завершении медицинской пятнадцатиминутки, я наслаждалась их обществом. Мы устраивались за низким столиком, за которым обедали подростками, они готовили мои когда-то любимые блюда, и я заставляла себя немножко поклевать, чтобы не огорчить их и не напугать. Мы сочиняли друг для друга сказку, и они это прекрасно понимали. Поев, я легла на диван, а они сели на пол поближе ко мне, и мы разговаривали.

Точнее, я слушала их. Сестры рассказывали мне о своих мужьях, о моих племянницах и племянниках, жаловались на то, что боятся старости, – эти жалобы были их прямой обязанностью, мне хотелось, чтобы они сетовали и придумывали для меня кризис сорокалетнего возраста со всеми подробностями. Они наперебой доказывали насущную необходимость инъекций ботокса и утренних пробежек. Я смея-

лась. Им от этого становилось легче, мне тоже.

В тот день они погрузились в воспоминания детства. Такое случалось очень редко. Уже давно мы жили настоящим, и это никак не было связано с моей болезнью. Мы никогда не мусолили прошлое. Нам это было не интересно. Мы жили.

На этот раз что-то изменилось. В особенности для моих сестер, которых одолела ностальгия. Нашу историю мы пока еще разделяли втроем. От семьи, в которую помимо нас входили родители и обожаемая тетя, остались только мы. Скоро их будет лишь двое из троицы девчонок с именами, позаимствованными из другой эпохи.

Откуда у папы и мамы взялась такая странная идея? Сейчас никто не обращал на это внимания, но в детстве родительский выбор обеспечил нам шутки и насмешки. Сюзанна, Анита и Мадлен. С тех пор мы с нашими именами успели запустить новую моду и все чаще встречали маленьких девочек – наших тезок. По крайней мере, это относилось к Сюзанне и ко мне. Анита все еще была в немилости. Просто смешно.

Я была, что называется, поздним ребенком, сюрпризом, младшенькой, явившейся к уже уставшим родителям, погрязшим в проблемах. Если задуматься, у нас с моей дочкой есть нечто общее: мы обе не входили в планы взрослых. Мои родители владели рестораном, их существование состояло из упорной работы, и после выхода на пенсию подорванные

организмы сопротивлялись недолго. А ведь они так радовались, что наконец-то переехали в деревенский дом, о котором столько мечтали. Они едва успели им насладиться, потому что ушли один за другим меньше чем за два года. Единственным утешением для меня в их ранней смерти было то, что она избавила их от присутствия при моей. Они, пожертвовавшие своей жизнью, чтобы сделать лучше нашу, не заслужили такого горя. В особенности это относится ко мне, от которой они изрядно натерпелись...

Сюзанна, Анита и я росли в ресторане, между залом и кухней, где безраздельно царила мама. Крошечная брассерия, в которой всегда было полно народу, стала нашим вторым домом. Сестры на правах старших участвовали в моем воспитании. Втроем мы были вполне самостоятельными, пусть я и держалась чуть в стороне – во многом из-за своего юного возраста, более скромного характера и большей мечтательности. Можно сказать, сестры в некотором смысле продолжат выполнять свой долг с Лизой. Придут мне на смену, заботясь о моей дочке. Невероятное везение, что у меня есть сестры, а вот Лиза такого шанса лишена. Зато у нее есть тетки: лучшие из всех, самые любящие, самые забавные, самые надоедливые.

На нашу с ними долю выпало огромное счастье. Сестра нашего отца стала нам второй матерью. Ее утрата была не менее тяжела, чем уход родителей. Гены в семье начали осла-

бевать, и я всем сердцем надеялась, что последние неполноценные достались мне. Софи порхала по жизни, не находя подходящего партнера, с которым могла бы ее разделить. У нее не было детей, мы заменили ей отсутствующих дочек, и она всячески помогала нашим родителям растить нас. Мы бегали с ней по выставкам, ходили в кино и по магазинам. По средам¹ она провожала нас на наши внешкольные занятия. Она одаряла нас теми сокровищами детства, которые родители не могли нам обеспечить. Она развлекалась вместе с нами. Мы развлекались вместе с ней.

Анита и Сюзанна вспоминали, как летом тетя увозила нас на каникулы. Я молча слушала.

– Ты туда никогда не вернешься, – вдруг обратилась ко мне Сюзанна.

Мы лишились дара речи. Сестры по очереди гладили меня по голове, я прикрыла глаза, стремясь сконцентрироваться на настоящем времени, на том, что действительно важно. Бесконечно долго, как показалось, мы не шевелились и не произносили ни слова. Но это было необходимо. По крайней мере, мне.

¹ По средам у французских школьников выходной. (Прим, пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.